

Анна Соломахина

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анна Соломахина

И снова девственница!

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2017
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С60

Серия основана в 2011 году
Выпуск 311

Художник
С. Бабкина

Соломахина А.

С60 И снова девственница!: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 312 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2510-5

Судьба не щадила ее ни юной девушкой, ни взрослой женщиной. Бросила в водоворот событий, из которых не уйти без потерь. Куда ни глянь — всюду зло. Как выжить и не потерять себя в мире, где главенствует магия, а ты простой человек, обычный секретарь обычной строительной конторы? Убить принца или погубить дочь? Тяжелый выбор. Лишь природная стойкость и черный юмор держат Любу на плаву. Достаточно ли этого, чтобы перехитрить темного мага? А inferнальный череп? Не говоря уже о главном королевском мага! Посмотрим... вдруг не все такие плохие, какими кажутся на первый взгляд?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анна Соломахина, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2510-5

ПРОЛОГ

— Не хочу, не хочу, не хочу! Почему я, почему не кто-нибудь из местных? На худой конец, мог бы взять кого-то более беспринципного, чем я!

Предательские слезы навернулись на глаза.

— Потому что у тебя есть ради кого бороться, — раздался издевательский ответ, — и тобой легче манипулировать. Плюс ты незаинтересованная сторона.

«Вот гад! Гадский гад!»

Вслух раздавалось лишь недовольное сопение.

— Повторяю в последний раз: ты выполняешь все, что требуется, и я возвращаю тебя обратно в то же место и в ту же секунду, что и забрал. С приличным вознаграждением!

— Каким? — отреагировала она на новую информацию.

— Что там у вас в цене? — поинтересовался в свою очередь мерзкий тип.

— Рубли, доллары, евро.

— Никогда о таких не слышал. — Он задумчиво почесал подбородок. — А золото?

— В слитках и с государственным клеймом, — обнаглела девушка, ухватившись за возможность отвлечься от намекающейся истерики.

— Песком, — отрезал мужчина, доставая желтоватый свиток. — Вот контракт, подписывать кровью, — и протянул лист вместе с тонкой иглой.

— Песком так песком, — ворчливо согласилась Любана и попыталась вчитаться в неразборчивый почерк.

М-да, с такими условиями проще помереть, чем соответствовать!

Глава 1

ЖИЛА-БЫЛА ЛЮБОВЬ

Жила-была девочка Люба. Ростом не удалась, характером — тоже, в смысле его покладистости, спасало только наличие чувства юмора. И если поначалу оно было светлым, то со временем сменило свой цвет на противоположный. Сей метаморфозе способствовала на редкость непростая жизнь. Студенческий брак, головокружительный и страстный, незапланированная беременность... Муж стремительно устроился на подработку, забегал, как в копчик ужаленный, но оказалось, вовсе не в ожидании чуда, нет. Деньги на аборт зарабатывал.

— Ну сама подумай, какой сейчас ребенок? — увещевал Игорь. — У меня скоро диплом, ты на четвертом курсе. У нас даже квартиры своей нет, через год дядя Вова вернется из Китая — и все, к родакам придется переезжать. Давай сначала встанем на ноги, тогда и можно.

— Ты думаешь, что через пару лет квартира у нас вдруг появится?

Какая-то сомнительная логика.

— Баба Клава на меня завещание составила.

Весомый аргумент, ничего не скажешь.

— В принципе я согласна, рановато еще. — Люба задумчиво теребила короткий ежик волос на затылке. — Вот только как-то стремно из-за квартиры ждать смерти хорошего человека.

— А ты не жди, она сама придет, — оптимистично заверил довольный муж и полез под халатик. — Давай без презика, пока можно.

— Да иди ты! — отбрыкнулась Люба. — В следующий раз лучше зачехляться будешь. Где там твои деньги?

— Во внутреннем кармане куртки, — недовольно нахмурился муж. — Завтра же вместо пар пойдешь в больницу.

И она пошла. Сдала анализы, приехала в стационар, ее определили в палату, где лежали женщины на сохранении, и оставили ждать своей очереди. Тут-то девчонку и накрыло. Сначала разговоры, трепетные, полные страха за маленькие жизни. Удивительно, на что только не пошли эти женщины ради того, чтобы забеременеть. Одна гормоны пила, вторая легла под иголки к какому-то китайцу, а ей... ей просто так дали. Даже неудобно стало. В какой-то момент дверь распахнулась и привезли каталку со спящей девушкой. Черные выющиеся волосы, красивая вязь татуировки на бедре и кровавая ветошь между ног.

— Готовься, через полчаса твоя очередь, — равнодушным голосом сказала медсестра и вместе со второй лихо плюхнула девицу с каталки на кровать.

— Черт, клеенка перекосилась, — ругнулась вторая и кинулась ее поправлять.

Разобравшись с пациенткой, медсестры подкатили скрипящую колесами каталку к Любиной кровати и оставили, сами же удалились. Она с ужасом взирала на ветошь, стремительно напитывающуюся кровью. Когда ткань пропиталась до отказа, полилось на клеенку. Зря медсестры ее поправляли, матрац клеенка все равно не спасла.

Девчонки притихли и боязливо косились.

— Не могли отдельную палату для них выделить? — Возмущение вперемешку с презрением резало сильнее ножа. — Мы тут на сохранении лежим, а нам под нос привозят такое!¹

— Да не говори, — сердито пыхтела другая. — Я вот вообще крови боюсь.

¹ Данные события происходили в жизни автора, когда та лежала на сохранении в Городской больнице номер восемь города Омска. Бойтесь этой больницы и никогда туда не попадайте! — *Здесь и далее примеч. авт.*

Любу начало колотить, она сжалась в комочек и зарылась под колочее больничное одеяло. Мертвенно-бледное лицо еще не отошедшей от наркоза девушки, периодически постанывавшей, казалось восковой маской. Черная подводка вокруг глаз лишь усугубляла впечатление.

«Боже, неужели и со мной так же будет?»

Старая облезлая каталка с потрескавшейся клеенкой ждала своего часа, чтобы отвезти ее на «стандартную операцию, ничего особенного, в жизни и не такое случается».

Люба побоялась минут десять, пока наконец ей не надоело трястись. Вышла в коридор. В столовой народ восторженно внимал Малахову и очередной жертве его мегапопулярного ток-шоу.

«Терпеть его не могу!» — скривилась Люба и пошла в туалет. В открытое окно задувал ледяной ветер, вымораживая помещение.

— Брр, — вздрогнула Люба. — Что я вообще здесь делаю?

Дрожащими пальцами она набрала мамин номер.

— Мама. — Люба забилась в ближайшую к выходу кабинку, где меньше сквозило, и попыталась закрыть шпингалет. — Мама, это я.

— Дочка? — Тонкий, полный тревоги голос крепким якорем зацепил мечущееся сознание. — Дочка, с тобой все в порядке?

— Нет. — Правда далась с трудом, шпингалет отсутствовал как данность. — Как ты догадалась?

— Мне вчера сон плохой приснился, будто вы с Игорем ребенка съедаете, в ресторане, под соусом бешамель.

— Да, мама. — Она в очередной раз поразилась маминой интуиции, жаль, что самой Любе такая не досталась. — Мы действительно чуть не «съели» своего ребенка.

— Как? — Ее голос резко сел.

— Я сейчас в больнице. — Люба облизала пересохшие губы. — Через пять минут идти на аборт.

— Господи, — мама прочистила горло, — почему ты мне не сказала? А что Игорь?

— Прости, я постеснялась, — стыдливо опущенную голову нельзя разглядеть через телефон, это ведь не скайп. — Игорь... Игорь просил никому не сообщать, а потом принес деньги и сказал, что договорился с Инессой Степановной. Ну той, что в гинекологии работает. Без очереди, пока срок не истек.

— В общем, так, ноги в руки — и домой! Вещи из вашей квартиры я потом сама заберу.

— Но, мама, а как же учеба?

— Возьмешь академ, потом на заочку переведешься. Ничего, прорвемся. И не такое переживали!

Суровая отповедь придала сил.

— Еду!

Через семь с половиной месяцев родилась чудесная малышка. Об отце напоминали лишь глубокие карие глаза и вьющиеся волосы. Фамилию дали девичью Любину, муж так и не признал ребенка и потребовал назад деньги, раз те на дело не пошли. Мама, правда, показала большую дулю и с удовольствием высказала все, что о нем думала. А думала она много, красочно и трехэтажно. Нет, не матерно, но настолько виртуозно, что мат бы звучал куда гуманнее.

С горем пополам окончив институт, благо оставались лишь пара сессий и госы с защитой диплома, Люба устроилась на работу. Да, это было явно не то место, где сбываются карьерные мечты. Небольшая, только-только открывшаяся ремонтная контора, где ее взяли на почетную должность помощника директора. А по сути — обычной секретаршей, сидевшей на телефоне и заваривавшей паке-тированный чай по мере надобности. За дополнительную плату она подрядилась мыть полы и дала объявление о написании рефератов. А что, работа не бей лежачего: директор в разъездах, телефон звонит редко, зарплата мизерная, свободного времени хоть отбавляй. Конечно, она не

планировала надолго здесь задерживаться, но без опыта работы брать никто не хотел, а тут такой вариант подвернулся, да еще и недалеко от дома. Как раз по пути в садик, тот самый, в который Люба когда-то ходила сама, а теперь водила дочку.

Так и начался нехитрый круговорот Любови в природе. Работа, рефераты, бесконечные больничные. И единственная помощь, на которую она могла рассчитывать, — это мама и соседка Фаина Григорьевна, большая любительница всюду сунуть свой любопытный нос и заговорить до смерти. Но без нее как без рук. Иногда на больничные ходила и сама Любаша, иногда мама. Ну как ходили? Три дня, пока температура шарашит, отпаивали малышку компотами и прочим, а потом приглашали сидеть бабу Хаю. Именно так называла ее Зойка, свет очей двух разведенных женщин и одной престарелой соседки.

В один солнечный зимний день Люба вдруг ощутила горячие мужские объятия на своей талии, к слову сказать, очень стройной, ибо гречневая диета — отличное средство для похудения, пусть и вынужденное из-за жесткой экономии. Резко обернувшись, она узрела своего начальника, симпатичного импозантного мужчину с легкой сединой в волосах. Все бы ничего, если бы он не был глубоко женат.

— Ой. — Она прытко отскочила в сторону и больно ударилась бедром об угол стола. — Ай-ай-ай!

— Куда ты скачешь, козочка? — Начальник улыбнулся полными губами и притянул за плечи. — Сильно больно?

— Конечно. — Она потыкала пальцем ушиб и скривилась от боли. — Вот зачем вы так?

— А что такого? — искренне удивился стареющий ловец. — Ты мне нравишься, симпатичная, не замужем, жену ты мою видела — смотреть там давно не на что, так почему бы нам не совместить приятное с полезным?

— М-да, логика железная, — пробурчала блондинка и села за свой стол.

— Зеленый чай без сахара, — холодно бросил господин Скоробогатов и гордо удалился в свой кабинет, не забыв многозначительно хлопнуть дверью.

— Ишь какие мы гордые!

Щелкнул рычажок электрического чайника, зашуршала коробка «Принцессы Нури» (экономия должна быть экономной), закрипела ручка по бумаге.

Через пять минут, пытаясь не пролить кипятка и в то же время не помять листок, Любана открыла заветную дверь. Директор до сих пор изволил гневаться, но пытался это тщательно скрыть. Поставив в стороне чашку, она положила лист прямо перед ним.

— Что это? — Небрежный жест, ленивый осмотр и недоумение на лице.

— Заявление на увольнение, — почти твердым голосом ответила Люба.

Пусть жизнь у нее не сахар, пусть работу найти непросто, но спать с руководителем она не собирается. Да и опыт работы у нее уже почти год, самое время сваливать из этого болота.

— Ну и дура, — презрительно хмыкнул руководитель таджиков и поставил резолюцию. — Отрабатывать не надо, компенсацию за неиспользованный отпуск не получишь. Зарплата вчера была.

— Я ведь могу и в суд подать, — пригрозить пригрозила, но делать не собиралась.

— Пошла вон, — отмахнулся начальник.

Делать нечего, собрала Любана пожитки и отправилась домой. Вечером, ближе к десяти позвонила Галина Владимировна, супруга шефа и по совместительству главный бухгалтер.

— Привет, — дружелюбно начала женщина. — Давай завтра встретимся.

— Давайте, — шмыгнула Люба сопливым от переживания носом. — Где и когда?

— Завтра в десять, в кафе «У Грошика».

— Ладно. — Она не выдержала и всхлипнула.

— Ну-ну, не реви, — проворчала чудом не обманутая жена, — я тебе помогу.

И сбросила звонок.

Допив остатки какао, которое должно было активировать выработку гормонов счастья, Люба долго всматривалась в гущу, но ничего интересного не разглядела.

Как ни странно, но скоропалительное решение лишь добавило плюшек в плане денег. Галина оказалась женщиной проницательной и справедливой. Естественно, после двадцати лет совместной жизни она знала своего муженька как облупленного, а еще, оказывается, успела изучить секретаршу, несмотря на то что в офисе появлялась изредка. Рассказав малую часть походов своего благоверного, умудренная горьким опытом женщина посоветовала плюнуть и растереть, а еще лучше — не верить никому из мужиков. Под конец аудиенции выдала отпускные и бонусный оклад за женскую солидарность. На том и расстались.

Новую работу Люба искала с тайной надеждой обрести начальницу-женщину, чтобы требовались исключительно профессиональные навыки. К сожалению, и здесь ее постигло разочарование: на одном из собеседований столь долгожданная руководительница напрямую высказалась о дополнительных функциях личного помощника. А что, в кабинете одни девочки, ходить вокруг да около нет смысла, зато VIP-клиенты салона элитной мебели как никогда нуждаются в простой женской ласке. Иначе как еще продать диван за сто тысяч? Будь он хоть трижды кожаным и четырежды немецким!

Люба все же сумела устроиться в крупную строительную фирму с нормальным, не озабоченным директором, достойным окладом и возрадовалась до глубины души. До первого корпоратива. Нет, к ней лично никто не приставал, так, присматривались, зато присутствующие никого особо не стеснялись. И ведь она прекрасна знала, кто из них женат, у кого сколько детей и какие подарки на день рождения

они получили... Вот так и вытравили у прекрасной светловолосой Любви с очами цвета незабудок веру в мужчин в целом и семейные отношения в частности. Может, оно и к лучшему, зато она не питала никаких иллюзий, когда в один прекрасный день оказалась неведомо где.

Глава 2 ПОПАДОС

Закончился очередной рабочий день. Жара казалась еще более невыносимой после офисной прохлады. В первые минуты даже почудилось, будто попала в пустыню. «И как Людка такое переносит? На шестом-то месяце беременности, — ужаснулась Любовь. — Пойду-ка я по набережной, ну и пусть, что крюк, зато не расплавлюсь».

Прячась в тени деревьев, она нервно отмахивалась от мошкеры, назойливой даже в дикий солнцепек. Воздух дрожал зыбким маревом, нагоняя апатию, делая веки тяжелыми, а ноги — вялыми.

— Смотри куда прешь, дура, — рявкнул какой-то лохотонный парень, не замеченный уставшей Любой. От резкого толчка она потеряла равновесие и полетела в кусты.

Воздух завибрировал, казалось, ее подхватил локальный смерч и закружил в тошнотворном вихре. Зажмурив глаза, она автоматически схватилась за первое, что попало под руку. Этим оказалась штанина хама, который умудрялся сквернословить даже в экстремальных условиях. Наконец кружение закончилось, и они практически в обнимку полетели на землю.

— Какого?.. — Ругательства сыпались мощным потоком, казалось, парню даже не нужно дышать. — Слезь с меня!

Люба кое-как сползла с дергающегося неврастеника, встала на четвереньки и почувствовала, как по губам, а потом и по подбородку заструилась какая-то липкая жидкость. Голова гудела, желудок судорожно сжался и рвался

опорожниться. Приглушенный стон сам собой слетел с губ. «Так, надо срочно сесть, пока меня не вывернуло. И вытереться». Жидкость продолжала струиться вниз по шее. Сумка, каким-то чудом не слетевшая с руки, хранила в своих недрах упаковку влажных салфеток, оставалось лишь унять дрожь и открыть молнию. Замок поддался с пятой попытки, салфетки нашлись с седьмой.

— А ты кто такой? — раздался холодный как изморозь голос. Он колкими иголочками впивался в виски, проникал в вены и леденил кровь.

Люба и парень изумленно уставились на статную фигуру, облаченную в чернильного цвета плащ, как в сгусток тьмы. Бледное лицо и зачесанные назад седые волосы свидетельствовали о том, что перед ними — человек или хотя бы нечто гуманоидное.

— Я? — визгливо вскрикнул парень. — Я сын депутата! — Гордо выпяченная грудь смотрелась на редкость нелепо на черном полу ритуального зала в центре октаграммы. — А вот кто ты?

— Твоя смерть. — Этим голосом можно было смело замораживать фрукты, ни одной витаминки бы не потерялось.

Задохнувшийся сначала от возмущения, а потом от удушья юный мажор приподнялся над полом и судорожно засучил ногами. Кошмарный мужчина даже бровью не повел, лишь презрительно смотрел, как напряглась шея, как вспухли на ней вены, а лицо из красного стало синюшным. Неприятно пахнуло испражнениями. Легкий наклон седой головы — и раздался отчетливый хруст костей. Тело сломанной куклой упало на каменные плиты.

— Что такое депутат? — лениво поинтересовался он у чудом усидевшей Любы.

Ей хотелось вскочить и бежать без оглядки, на худой конец — забиться в угол и не высовываться. К сожалению, ни на то ни на другое банально не хватало сил.

— Что? — Она непонимающе смотрела на неестественно вывернутые конечности и отчаянно надеялась, что ей при снился очередной кошмар.

— Не важно. — Не голос, а сплошная меланхолия. — Вытрись. — Брезгливая гримаса.

Взглянув наконец на свои руки, она только сейчас осознала, что истекает кровью. И ощущения настолько реальны, что даже страшно себя ущипнуть — вдруг все происходящее правда. Поспешно обтершись противно пахнущими салфетками, Люба попыталась встать. Взгляд то и дело возвращался к убитому, а мозг отчаянно сопротивлялся и твердил, что это нереально.

— Как же долго, — устало вздохнул седой и взмахнул рукой.

Тело неожиданно обрело невыносимую легкость, взмыло над бренностью, сознание решило, что с него достаточно, и отключилось.

Очнулась Любаша на широкой кровати под балдахинном цвета крысиного брюшка. Каменная кладка серых стен навевала мысли о склепе, а массивная мебель предположительно из мореного дуба ничуть не освежала мрачный интерьер. Пощупав себя на предмет сохранности, она обнаружила, что обнажена и что кто-то нацепил на нее ошейник и пару браслетов. Цепей не наблюдалось, так что свобода перемещения имелась, пусть и относительная. Соскользнув с громоздкого ложа, Люба принялась искать дверь в уборную. Ко входной подходить не имело пока никакого смысла — голая, контуженная, абсолютно не ориентирующаяся в пространстве и ситуации в целом. Труп еще этот... зверски убиенный... храбрости не прибавлял.

Найдя наконец комнатную ванну и таким же неприглядным горшком, она не стала выпендриваться и справилась естественные потребности. После того как Люба полежала в инфекционном отделении детского стационара, ее вообще мало чем можно было шокировать. Да и не перед

кем качать права, рассуждая об эстетике и техническом прогрессе. Как только закрылась крышка местного клозета, его охватила легкая дымка. Подождав пару минут, Любана заинтригованно открыла отхожую посудину, в нос шибануло едким запахом хлорки.

— Надо же, какая занятая система самоочистки, — задумалась она. — Это что же получается, горшок-самобранка, только наоборот?.. Похоже, я опять сплю.

Возвратившись в спальню, Люба окончательно убедилась, что находится в готическом сне. Ну не могут быть в реальности такие отвратительные занавески! Да их попросту никто не станет производить из-за нерентабельности. Осталось разобраться, к чему весь этот антураж и специфическая бижутерия.

— Сон сном, а есть охота по-настоящему, — тяжело вздохнула она и открыла шкаф в поисках хоть какой-нибудь одежды.

Тяжелая разохшаяся дверь отчаянно скрипела и всеми силами цеплялась за нижние выдвижные ящики. Но где ни пропадала русская женщина, особенно мать-одиночка! Что такое молоток и отвертка, она знала не понаслышке, что уж там, даже дрель была подвластна этим хрупким с виду ручкам.

Сначала Любу встретила бодрая моль, а потом поразил воображение шикарный набор черных мантий на все случаи жизни. Почему на все случаи? Да потому что они подходили абсолютно к любой фигуре и при хорошей фантазии могли трансформироваться как минимум в пять моделей платьев. Хотя кого обманывать, просто альтернативы нет.

— Так-с, ладно, что мы имеем? — Она тряхнула первой попавшейся мантией, выпуская на волю вековые залежи пыли. — Балахон черный, безразмерный, времен Аллы Борисовны в молодости, потом-то она куда развратнее стала одеваться.

Подпоясав рясу шнурком от балдахина, больше смахивавшим на хвосты тех жертв, из чьих шкур было изготовлено полотно, Люба посмотрелась в старинное ростовое зеркало. Отражение порадовало взлохмаченной шевелюрой, ортодоксальной хламидой и аксессуарами от дизайнера-извращенца. Лишь глаза, подчеркнутые темной одеждой, сияли, как два Громких океана. А что, если есть Тихий, значит, должен быть и Громкий? По крайней мере, Зойка была в этом абсолютно уверена.

— Зойка, заяц ты мой вертлявый. — Сердце неожиданно защемило. — Надеюсь, тебе такая фигня не снится!

Неожиданный стук отвлек ее от созерцания нового имиджа — это брякнула резко открытая дверь. Судя по силе инерции, открытая с ноги. Печально знакомое лицо сегодня отличалось некоторым благодушием, правда, длилось это недолго.

— Вот черт, — только и смогла пролепетать Любана, вдруг резко осознавая, что таких совпадений не бывает.

— Что это за вид? — брезгливо скривился седовласый тип, его утонченные черты несли на себе отчетливый след высокомерия и вседозволенности.

— Можно подумать, были варианты, — буркнула пленница, спешно пытаясь понять — это сон во сне или продолжение одного бесконечного бреда? В любом случае в обиду она себя давать не собиралась.

— Кто тебе вообще разрешал одеваться?

Громыкнуло так, будто это не дверь захлопнулась, а взорвался газовый баллон. Резкий порыв ветра, и на хрупкой фигурке вновь ничего, кроме металла.

— Ай! — вскрикнула Люба и, не удержав равновесия, упала на колени. — А-а-а!

Больно саднила кожа, расцарапанная о твердые плиты пола.

— Так-то лучше. — Довольная ухмылка, легкая, но отчетливая. — Знай свое место!

— Что?.. — Она возмущенно вскинула голову, но подавилась на полуслове. Белесые, как будто выцветшие глаза завораживали своей нереальностью, черная точка зрачка буравила мозг.

— А теперь слушай меня внимательно, дважды повторять не буду. — Он слегка наклонился, явно подавляя сознание Любы. — Ты здесь никто. Впрочем, как и у себя. Я тебя вызвал для определенной миссии, которую ты, если не совсем дура, выполнишь.

— Мне холодно. — Сил терпеть переохлаждение совсем не осталось, в одежде-то было не жарко, а сейчас — и подавно. — И больно.

— Больно — это хорошо, — шаг вперед. — Меньше будешь кочевряжиться.

— Скорее меньше соображать, — привычно огрызнулась Люба.

— Сейчас от тебя это и не требуется. — Хищный блеск кошмарных глаз. — Покорность — главная добродетель любой женщины.

— Ага, где бы я сейчас была, если бы ею обладала.

Холод, захвативший ноги, пробирался выше.

— Тоже верно, — невнятное хмыканье, — но это не важно. Сейчас ты подписываешь контракт, а после я введу тебя в курс дела.

Тело начала бить крупная дрожь, нестерпимо захотелось вскарабкаться обратно на дурацкую кровать и спрятаться под одеяло. А еще лучше — принять горячую ванну. Бог с ней, с эстетикой, она была согласна и на то убожество, что стояло в уборной.

— А вы порядок действий не перепутали? — Готический сон стал надоедать и вообще порядком затянулся. — Мало ли, может, вы меня в сексуальное рабство собрались про... — Язык еле ворочался от переохлаждения.

— О, об этом ты можешь не беспокоиться, — насмешливо ответил похититель. — Напротив, кое-что подправим, и по-

сле тебя точно никто не тронет. Если сама, конечно, не захочешь.

Люба облегченно вздохнула. «Это он что, последней фразой на себя любимого намекает?» — пронеслось в голове ехидное.

— Хотя, если тебя хорошенько помыть и приодеть... — Он задумчиво перебирал пальцами два антрацитовых черных шарика. Когда успел достать? Странный тип. — Тогда можно и поразвлечься.

Увидев откровенный ужас на лице пленницы, он хищно оскалился.

— Я ведь могу и не спрашивать.

На сей «позитивной» ноте Люба поняла, что происходящее переходит все границы, и ущипнула себя за ногу. Конечно, отказывалась что-либо чувствовать, и пленница окончательно уверилась в нереальности происходящего. О том, что нога банально онемела, попаданка не додумалась. Поэтому, с трудом встав с ледяного пола, побрела к кровати, показав наглицу то самое место, где его любят и ждут.

— Ты что себе позволяешь?! — Похититель взмахнул свободной рукой и, раскрутив обратно, пригвоздил блондинку к жесткой шершавой стене. — Куда пошла без моего позволения?

— Домой. — Она вздернула подбородок и сжала зубы.

— Ты еще не поняла, что полностью в моей власти? — Он подошел вплотную, остановившись в какой-то паре сантиметров. Порочная тень мелькнула в высокомерном взгляде.

— Поздравляю, — едко ответила доведенная до предела Любовь. — Пошел в задницу!

И от души пнула в источник этого самого порока.

Взвизгнув от неожиданности, господин Злыдень крутанул кистью, отчего пол с потолком несколько раз поменялись местами (хотя особой разницы между ними не наблюдалось), а в шее жертвы что-то громко хрустнуло. Бесчувственное тело распростерлось на полу. Нежная бархатистая

кожа была особенно красива, контрастируя с грубым камнем. Она сияла своей белоснежностью, вызывая безотчетное желание прикоснуться, попробовать на ощупь, вкусить ее сладость. Даже струйка алой крови из слегка вздернутого носа не портила вида. Напротив, придавала трогательной хрупкости.

— Тварь! — вырвалась грубость.

Эта женщина будоражила его чувства. Не столько красотой телесной и отнюдь не дерзким духом, но их удивительной совокупностью, приправленной горькой перчинкой разбитых надежд (он знал о ее никчемной жизни все). Простых, банальных до невыносимости, но столь необходимых этой примитивной самке. Примитивной и такой притягательной. С трудом сбросив оцепенение, он с помощью левитации перенес ее на кровать, борясь с непрошеным желанием сделать это собственноручно. Парочка артефактов на лоб и солнечное сплетение, и рваное дыхание выравнивается, кровь сворачивается, а тело расслабляется.

— У тебя нет никаких шансов против меня. — Он стер кровь с ее лица и облизнул палец. — Поговорим завтра.

— Наконец-то я проснулась! — возрадовалась Любовь, соскакивая с дивана и заглядывая в кроватку дочери.

— Мама, я так хочу спать, — противно заныла Зойка, — и так не хочу в садик! Давай я пойду к бабе Хае?

— Заюшка моя, — нацеловывала все, что оказалось в ближайшем доступе, Люба, — сегодня суббота, мы никуда не идем.

— Как это никуда? — тут же подскочил возмущенный ребенок. — Ты же обещала пойти в зоопарк!

— А ты вроде спать хотела? — хитро сощурилась Люба, подлавливая маленькую врунишку на слове.

— Так светло на небе, солнце встало, — как маленькой, принялась объяснять кудряшка. — Значит, и нам пора.

— Пора-пора, — подхватила Любаня светлую мысль и защекотала дочке бока. — Только сначала каша. Тебе какую?

— Рисовую, с корицей и ирговым вареньем.

— Сладкоежка ты моя. — Она вдохнула нежный аромат ребенка и отправилась на кухню. — Как хорошо, что та дрянь была просто сном.

— Ты кого дрянью назвала? — раздался леденящий душу голос.

Голубая занавеска кухонного окна поплыла перед глазами. Головокружительное чувство падения и страх. Страх открыть глаза и не увидеть надоевших до оскомины серых кухонных обоев, сменить которые не хватало ни денег, ни времени.

— Я знаю, что ты уже проснулась, хватит притворяться. — Противный до зубовного скрежета тон. — Мы вчера не закончили!

— Боже, как мне это надоело! — простонала Люба. — Я хочу обратно к своей дочурке.

— Только после того, как сделаешь то, что мне надо. — Он стоял напротив кровати и равнодушно смотрел на полуобнаженную Любаню.

— А давайте я просто засну и проснусь уже дома, — она натянула до подбородка соскользнувшее одеяло, — или хотя бы оденусь.

— Интересно, ты такая тупая или головой сильно ударилась?

— На ваш выбор, — дернула плечом блондинка, — лишь бы отстали.

— Еще одно слово, — белесые глаза злобно прищурились, — и тебе не к кому будет возвращаться.

И тут случилось то, чего Любовь никак не ожидала: она увидела, как ее малышку, ее кровиночку скручивает так, что та превращается в маленький, худенький комочек. По всему телу появляются открытые красные язвы, потом они чернеют, а после разрастаются так, что за ними уже не видно ни единого клочка кожи. Ребенок сгнивает заживо буквально на глазах. Люба слышит детский крик. Отчаянный, полный невыносимой боли.

Слезы текут по обнаженной груди — одеяло давно забыто и лежит в ногах. Судорога скрючивает руки, грудь разрывается от рыданий, тело забыло как дышать.

— Ну-ну, успокойся, — недовольно ворчит мучитель и развеивает иллюзию. — Это всего лишь демонстрация моих возможностей. Ничего с твоей малявкой не случилось... пока.

Слова с трудом пробиваются сквозь шум в ушах. Наконец они доходят до агонизирующего сознания, и ярость поднимается из самых глубин материнского сердца.

— Да как ты... — Фраза обрывается.

— Достала. — Усталость мелькнула во взгляде. — Будешь молчать, пока мне не потребуется от тебя ответ. Положительный.

Убедившись, что пленница больше не издает ни звука, он зафиксировал запястья, приковав цепями к столбикам кровати. Ошейник решил пока не задействовать — оставил в запасе. Открывшаяся картина вызывала полнейшее удовлетворение и будила вполне определенные желания.

«Вот гмыр, не до того сейчас!»

— А теперь слушай. Ты пропавшая без вести принцесса Меравии. Во время переворота тебя спасла кормилица и увезла в Кординию, то есть в нашу страну, — уточнил похититель, вспомнив, что названия пленнице ни о чем не говорят, — где и воспитывала до последнего времени. Месяц назад она скончалась, а ты устроилась в мой замок горничной. Я когда-то был близко знаком с твоей погибшей родней, увидел фамильное сходство и проверил кровь. Ты пусть и не принадлежишь к правящему дому, но королевской крови и имеешь право на определенные притязания. Это понятно?

Обалдевшая от потока абсурдной информации, Люба автоматически кивнула.

— Отлично. Манерам и меравийскому мы тебя научим. Это первое. Второе — ты любимый типаж нашего наследного принца, — тут его рот презрительно скривился. — Вскружить ему голову не составит труда. Вашему браку может поспособствовать алчность Базальда — действующего коро-

ля, он давно хочет изменить очертания своих северных границ, а благодаря тебе может рассчитывать и вовсе их расширить. Когда свергнет в Меравии нынешнюю власть.

Любе казалось, что этот человек бредит. Какие короли, какая принцесса? Кто он вообще такой и как она здесь оказалась? А, точно, упала с тем типчиком в кусты... мертвым типчиком. Последняя мысль отрезвила ее не хуже ведра ледяной воды.

— Ну и самое главное. — Седовласый довольно потер руки. — В первую брачную ночь ты должна будешь дать мужу яд. Без разницы, до или после исполнения супружеского долга, тут на твое усмотрение. И не гляди на меня так, это всего лишь сильное снотворное. Настоящее тело мы заменим на муляж, а принца лишим памяти и обеспечим тихое, безбедное существование. Где-нибудь очень далеко отсюда.

«Что-то сомнительно сие великодушие, но кто ж меня спрашивает? — отчетливо говорили выразительные Любины глаза. — Кстати, интересно, а разлагаться муляж будет или так и останется нетленным? Мало ли, может, какой ретивый потомок решит взглянуть на кости предка в фамильном склепе, а там свежак? Так, я что, всерьез рассуждаю о бреднях этого типа? Похоже, что да».

— Как же мне нравится, когда ты молчишь. — Он подошел к прикованной пленнице и провел узловатым пальцем по ее скуле. — Ты так прекрасна в своей беспомощности. — Похититель наклонился и вдохнул ее запах. Скривился. — Особенно если тебя помыть.

Люба равнодушно пожала плечами и уставилась в первую попавшуюся точку на стене. Ей было фиолетово, что там нравится или нет этому садисту, хотелось просто никогда его больше не видеть, а еще лучше — не вспоминать. Ее до сих пор потряхивало от ужасного видения, несмотря на то, что оно оказалось всего лишь иллюзией. Этот негодяй нашел главную болевую точку — ребенка. Даже за себя она так не волновалась, как за дочку. Некому будет позаботиться о малышке — мама одна не справится.

Люба решила, что обязательно попытается выкрутиться. На крайний случай есть смерть, ведь при таком исходе трогать ее девочку не будет нужды. А дочка... за ней она присмотрит, поможет маме, пусть и бесплотным призраком.

— А теперь — контракт, — вернул к действительности ненавистный голос. — Полное подчинение моим приказам, никаких половых связей, — тут он глумливо усмехнулся и уточнил: — Нарушающих плеву, иначе брачный алтарь тебя не примет. И ни одной живой душе — о наших договоренностях.

Со вторым условием она была полностью согласна и готова его выполнять без каких-либо оговорок, третье со скрипом, но без него никак. В конце концов, она находится непонятно где, кому можно доверять, а кому нет — не знает. Хотя как не знает? Знает — никому! А вот первое отдавало сомнительным душком.

Люба перевела на похитителя взгляд, и тот понял все без слов.

— Я сказал — полное подчинение, — с нажимом повторил седовласый.

И тут ее осенило: какое воздержание, какая плева? Она уже давно не девственница! Губы растянулись в радостной улыбке, не предвещавшей оппоненту ничего хорошего.

— Что опять? — не стал обманываться легкой победой злодей. Со скрипом, но ему пришлось снять заклятие немоты.

— Вы кое-что упустили, — хрипло ответила пленница, — точнее, опоздали лет на... — нехитрые математические вычисления, — шесть примерно.

— Это ты кое-что упускаешь, — легкое движение кистью — и цепи со звоном опали на пол. — Я маг и легко восстанавливаю сей недостаток.

— Ого! — присвистнула Люба, вновь натягивая одеяло. — Так вам надо бизнес открывать, знаете, сколько на этом можно денег заработать?

И тут он ядовито расхохотался. По-иному, похоже, просто не умел.

— Знаю, — вновь вернулась маска безразличия, — но это ниже моего достоинства.

— Понятно. — Она вновь отвела взгляд. — Насчет подчинения...

— Это не обсуждается, — отрезал маг.

— Тогда прощайте, — со скоростью бешеной белки она залезла по ближайшему кроватному столбу и сиганула вниз головой прямо на каменные плиты пола.

— Вот упрямица, — покачал головой герцог Брионский и обошел кругом замершую у самого пола фигуру, не долетевшую до каменных плит. — Неужели ты думала, что я дам тебе умереть без моего на то соизволения? Похоже, ты все-таки дура. Ладно, мне надоел этот спор. Сейчас тебя помогут и накормят. — Он вернул ей вертикальное положение и опустил на кровать. — И дадут нормальную одежду. А то совсем одичала.

И вышел, оставив Любаню размышлять о тщетности сопротивления. Ничто так хорошо не примиряет с действительностью, как простые радости после долгих лишений — старая мудрая истина. Откуда ему было знать, что действительно являлось для нее лишением, а что — лишь временным неудобством? Да, он неплохо изучил ее неприглядную с виду жизнь, но познать нутро так и не смог.

Что он мог знать об истинной силе материнской любви? Да она готова костями лечь, но не дать добраться до сокровенного! Люба вообще предпочитала превентивные меры. Самая желанная из них — прибить негодяя, предварительно выгнав, как вернуться обратно. На худой конец — просто прибить. Да, ребенок в списке ее приоритетов стоял на первом месте.

А на втором... на втором шла мораль. Ни одному мужчине она не позволит к себе прикоснуться, пока не сможет доверять. А этот тип не только пытался заставить ее соблазнить какого-то принца, но и сам был не прочь оказать «простое человеческое внимание». Еще эта оговорка с девственностью. Нет, сами такое ешьте!

Магия эта... хотя именно она многое объясняла в чрезвычайно запутанной истории. Вообще, Люба всегда была девушкой приземленной и в магию не верила. По крайней мере, тем гадалкам, что обещали по фотографии, отправленной по почте вместе с крупной суммой денег, вечную любовь, неземные богатства и долголетие, как у бабаба. Здесь же ей не раз продемонстрировали как минимум телекинез, о максимуме думать не хотелось вовсе. И это главная проблема, в которой она совершенно не разбиралась и ничего не могла ей противопоставить. Будь ты хоть трижды дипломированным специалистом в области психологии, но если ты собака, то радуги тебе не видать. Нет, с этим определенно надо что-то делать!

Как Любаня ни сопротивлялась, приятное чувство неги окутало ее, едва она погрузилась в теплую ванну. Что уж говорить про вкуснейший стейк с золотистой корочкой. А еще — отварной картофель и помидоры, запеченные под сыром, черешневый сок и гроздь душистого винограда.

«Неплохой пряник, — ухмыльнулась пленница, — на какую-нибудь дуру бы подействовал, но я-то помню, что он козел!»

И Люба продолжила поглощать калории, пока не отобрали.

Вышеупомянутый вошел вскоре после того, как ее обрядили в легкое бежевое платье с кружевом цвета слоновой кости. Глубокое декольте обнажало верхнюю часть груди, что совершенно не устраивало. Взглянув на себя в зеркало, она недовольно цыкнула и попыталась натянуть ткань повыше.

— Скрамность украшает человека, — раздался ироничный комментарий, — но не в твоём случае.

Она резко обернулась на голос и увидела в дверях ту же унылую физиономию. А, нет, кажется, кто-то научился улыбаться. Точнее, пытался вспомнить, как это делается. Неудачно.

— А сейчас будет еще лучше. — Он протянул ей хрустальный бокал с какой-то мутной жидкостью. — Пей.

На всякий случай она завела руки за спину и отрицательно мотнула головой.

— Слушай, ты еще контракт не подписала, а уже меня бесишь. — Похититель продолжал держать вытянутой руку. — Это просто омолаживающий эликсир.

— Спасибо, я и так неплохо выгляжу.

Вежливость и непреклонность — лучшие спутники порядочной женщины.

— Для своих лет, а нам нужна юная девица.

— Вам — да, а меня и так все устраивает. Кстати, а что это вы раздаете бонусы до того, как заполучили меня в кабалу. — Какой-то непоследовательный тип. — Или это — хитрый рекламный ход?

— Ты говоришь какой-то бред, женщина. — Верхняя губа нетерпеливо дернулась. — Да любая другая на твоём месте уже бы в ноги мне поклонилась за столь бесценный дар.

— Хм. — Люба почувствовала, что еще чуть-чуть — и седовласый не выдержит: опять либо по стене размажет либо цепями прикует. — Только сам сначала попробуй.

«Отведай ты из моего кубка»¹. — Память услужливо подсунула картинку с Иваном Грозным в интерпретации Гайдая.

— Мне нельзя. — Он слегка смутился под недоверчивым взглядом. — Я вчера уже пил.

— Значит, действует. — Люба внимательно осмотрела моложавого гада. — Ладно, давай сюда.

Выдохнув, как будто перед нею — родная водка на березовых бруньках, она решительно проглотила зелье.

Нет, она ничуть не доверяла этому противному субъекту, но уж больно реакция была правдоподобна. Как будто она подловила его на чем-то постыдном, недостойном огласки, особенно в свете того, что он мужчина и ему должно быть все равно. какое у него количество морщин.

¹ Фильм «Иван Васильевич меняет профессию».

— Наконец-то. — Непробиваемый тип забрал бокал и повернул Любу к зеркалу.

— Ох ты ж!..

Более сложные конструкции оказались недоступны, ибо ошарашенный мозг был занят перевариванием текущих событий.

Преображение чем-то отдаленно напоминало сцену из кинофильма «Смерть ей к лицу», когда, испив волшебного эликсира, героиня Мерил Стрип резво сбросила пару десятков лет. Поскольку у двадцатишестилетней Любани особо отвислых мест и глубоких морщин не наблюдалось, то изменения не отличались большой кардинальностью. Ушла легкая послеродовая пигментация, округлились выпуклости, подтянулись мышцы, но самое главное — появились дурацкие подростковые щечки! Она их терпеть не могла, а когда после родов у нее проступили скулы, то очень радовалась, что наконец-то избавилась от пухлявости. И вот снова...

— Фу. — Люба старательно пыталась втянуть румяные щечки. — А можно их обратно убрать?

Признаться, самому герцогу первоначальный вариант тоже больше нравился, он отличался большей изысканностью и утонченностью, но не подавать же виду неблагодарной девице?

— Это комплексные изменения. — Он намеренно небрежно скребнул по ее щеке. — Такова твоя природа.

Природа скуksилась и отвернулась от на самом деле привлекательного отражения.

— А теперь — о нашем договоре. — Взгляд седовласого потяжелел, давя на пленницу непомерным грузом.

И тогда она не выдержала — слишком много всего произошло за последние сутки, а может, и больше — время неслось стремительной рекой, размывая берега реальности, смывая грань между возможным и невозможным. Ее кружило, как кусок пенопласта, случайно попавшего в полноводную реку, и сейчас она зацепилась за последний камень, отделявший от падения в бездну грохочущего водопада.

С одной стороны, шансов выбраться из круговерти практически нет, а с другой — кто знает, сколько будет длиться падение и не разобьется ли она о подводные скалы лагуны.

— Не хочу, не хочу, не хочу! Почему я, почему не кто-нибудь из местных? На худой конец, мог бы взять кого-то более беспринципного, чем я!

Предательские слезы навернулись на глаза.

— Потому что у тебя есть ради кого бороться, — раздался издевательский ответ, — и тобой легче манипулировать. Плюс ты незаинтересованная сторона.

«Вот гад! Гадский гад!»

Вслух раздавалось лишь недовольное сопение.

— Повторяю в последний раз: ты выполняешь все, что требуется, и я возвращаю тебя обратно в то же место и в ту же секунду, что и забрал. С приличным вознаграждением!

— Каким? — отреагировала она на новую информацию.

— Что там у вас в цене? — поинтересовался, в свою очередь, мерзкий тип.

— Рубли, доллары, евро.

— Никогда о таких не слышал. — Он задумчиво почесал подбородок. — А золото?

— В слитках и с государственным клеймом, — обнаглела девушка, ухватившись за возможность отвлечься от намекающей истерики.

— Песком, — отрезал мужчина, доставая желтоватый свиток. — Вот контракт, подписывать кровью, — и протянул лист вместе с тонкой иглой.

— Песком так песком, — ворчливо согласилась Любана и попыталась вчитаться в заковыристый почерк.

М-да, с такими условиями проще помереть, чем соответствовать!

Спустя некоторое время

— Я, конечно, понимаю, что вы тут главный, — собрав всю свою смелость, начала она, — но это просто верх безобразия!

Ехидная улыбка растянула тонкие губы. Да, он определенно наслаждался моментом.

— Фактически я добровольно подписываю рабский контракт и перестаю себе принадлежать! — Синие бездонные глаза были прекрасны в своем возмущении.

— Боюсь тебя огорчить, — каменные шарики звякнули в руке мага, — но ты и так в моей власти.

— Тогда зачем вам эта бумажка? В рамочку на стенку?

«Нет уж, ваше темнейшество или как вас там, нечего меня разводить как тупую малолетку».

Его темнейшество красиво поиграл желваками, побрякал шариками. В принципе, если убрать высокомерие, подкрасить волосы и известить кровавые замашки, он был бы вполне ничего. Хотя... волосы можно оставить.

— Три поправки, — кое-как выдавил из себя он.

Естественно, не просто так ему требовалась добровольная подпись. Без договора максимум, что он мог, — это принудить к простейшему подчинению. Брэгу же требовалась тонкая игра, сознательная и правдоподобная. Опять создать иллюзию с умирающим ребенком? Тогда она снова попытается себя убить. И не факт, что у нее это не получится. Невозможная женщина с непредсказуемыми реакциями! Ладно, будет зарываться — устранить недолго. Куда сложнее найти подходящую по всем параметрам кандидатуру. Предыдущие две и так отняли у него уйму сил и времени.

— Выполнение приказов только касательно основной миссии, — тут же выдала опытная в составлении договоров секретарша. — Никаких притянутых за уши действий.

— Например? — Он снисходительно хмыкнул, уже предвкушая хитроумные манипуляции.

— Не более двух степеней взаимосвязи, То есть если для того, чтобы понравиться принцу, я должна прийти на бал — это первая степень, улыбаться, танцевать, мило щебетать — это вторая, а вот поджог платья соперницы или еще какая гадость — уже не в моей компетенции.

— Хм, разумно, — вынужден был согласиться интриган. Похоже, он все-таки ошибся с оценкой ее умственных способностей.

— Гарантированное выполнение обязательств по оплате и возврату в исходном состоянии обратно в случае форс-мажорных обстоятельств — смерти объекта, его брака с другой женщиной и прочих не зависящих от меня причин, — воодушевленная первой победой, продолжила Любовь.

— Да ты опытный крючоктвор.

Изумление, сейчас тщательно сдерживаемое, но мелькавшее то во взгляде, то в изгибе губ, редко заглядывало в гости к искушенному магу.

— Ну и минимум восемь часов для сна и не менее трех личного времени ежедневно.

А то заставит вкалывать круглые сутки, забудешь, как тебя зовут.

— Десять часов на все про все, — отрезал диктатор, окончательно убеждаясь, что с этой дамой надо держать ухо востро.

— Ладно, — показательно смирилась Люба, не особо рассчитывавшая на лишние два часа. Более того, она специально добавила дополнительное время, чтобы было чем жертвовать на торгах.

Подув на свиток, герцог подал его пленнице. К его великому сожалению, она вновь внимательно перечитала условия, в том числе микроскопические сноски, укоризненно взглянула и подписала лишь после того, как он окончательно все исправил. Без оговорок и невыполнимых подпунктов. С оригинальным экземпляром исполнителя.

— Фух, — совсем не по-герцогски выдохнул Брэгдан Брионский и забрал свой экземпляр, — увидимся после обеда.

И вышел, громко хлопнув дверью. Ему срочно требовалось уединиться. Желательно — с симпатичной служанкой, дабы снять напряжение и убедиться, что не все женщины коварны.

Глава 3 АПГРЕЙД

Стресс снимался долго и нервно. Он выгнал уже вторую служанку и нетерпеливо ходил из угла в угол в ожидании следующей. Первая девица настолько торопилась, что не посчитала нужным помыться перед почетным ублажением его сиятельства. Вторая учла ошибку первой, но показалась слишком толстой, хотя раньше его все устраивало. Это та тощая девица с непотребно короткими волосами виновата! Не женщина, а мальчишка... пока не разделась, конечно. Вот гмыр, нельзя с ней спать, иначе восстановление ее ауры вместо пары недель займет не меньше трех месяцев. Судя по цвету нижней чакры, мужчины у нее не было около пяти лет, что неудивительно с таким-то характером. Осталось восстановить плеву, дать время на успокоение фона и приступить к делу. Может, позже, перед отправкой назад... так сказать, бонус за доставленные неприятности. Забавный термин, как и вся она. Болтает только много.

Размышления прервал стук в дверь.

— Входи, — властно приказал герцог.

— Вызывали, ваша светлость?

На пороге стояла молоденькая служанка. Волосы цвета спелой пшеницы змеились тугой косой, тонкая талия перетекала в округлые бедра, а грудь так и манила своей пышной мягкостью.

— Проходи, раздевайся, на колени.

— К-как скаже... — заикаясь от потрясения, она робко прикрыла дверь.

— Молча! — резко прервал Брэг. — Быстрее!

Глотая слезы, девушка торопилась выполнить приказы. Нет, невинность она потеряла давно, но привыкла к восхищению. Сколько их было — парней, готовых носить на руках? Но Рижке было мало: что ей какие-то мужланы, когда можно пойти в услужение к самому герцогу? От него еще никто без подарков не уходил... стоимостью в годовое жа-

лованье. Кто ж знал, что отрабатывать придется соответственно?

— Посмотрим, что ты собой представляешь...

Рука в волосах: жесткая, горячая, безжалостная. Как и вся его суть — сына высшего круга знати, избалованного вседозволенностью, пресытившегося женским вниманием.

Она уже не пыталась сдерживать слезы, страх поселился в груди. Единственное, что она могла сделать, — это покорно дожидаться его удовлетворения и уползти в свою каморку. А оно, как назло, все не наступало, терзая тело, вынимая душу.

Довольный, как сытый удав, его сиятельство Брэгдан Брионский снисходительно поглядывал на вздорную пленницу. Та сидела в кресле и с независимым видом отковыривала лак с ногтей.

— Что это? — Герцог кивнул на творимое безобразие.

— Бывший маникюр. — Тяжелый вздох. — У вас ведь вряд ли найдется жидкость для снятия лака, впрочем, как и сам лак.

— Ты об этом? — Он материализовал на ладони пузырек с перламутровым содержимым — одна из бесчисленных трат на предшественниц.

Жаль, что с платьями такой номер не пройдет: высший свет не терпит повторений, да и афишировать взаимосвязь с теми девушками ни в коем случае нельзя. Одну из них отравили, а вторая выпрыгнула из окна. До сих пор неясно, сама она это сделала или кто подтолкнул.

— Хм, пахнет приятно, — опробовала местный вариант лака для ногтей Любаня. — И сохнет быстро. На какой он основе?

— Масло с красителем и закрепителем. — Герцог с тщательно скрываемым любопытством изучал кусочек неизвестного вещества. Скривившись от неаккуратности девицы, он притянул все, что она накрошила, и телепортировал на стол своему штатному алхимику для исследования.

— Любопытно, сколько этот местный лак держится? — безадресно поинтересовалась Люба и ойкнула от неожиданности — ошейник и браслеты упали на колени. Благодаря отсутствию ошейника сразу стало легче дышать.

— Теперь в этом нет необходимости. — Он вновь протягивал какой-то флакон, только куда большего размера, чем предыдущий. — Вечером после мытья вотрешь в корни волос, а то смотреть противно. Смоешь через десять минут после нанесения.

Люба привычно вскинула голову, но протест замер на губах — слишком сильно отличался взгляд от хлестких слов. Он был полон предвкушения. Голодного, жадного.

«Только этого мне не хватало! Ну на фиг, пусть своих маркизок зажимает, или кого он там предпочитает?»

Холод, пробежавший от затылка к лону, заставил вжаться в недра мягкого кресла.

— Пошли, — он властно махнул и, не дожидаясь, пока она встанет, направился к выходу, — быстрее!

На пороге обернулся, нахмурился, глядя, как игнорируется его приказ, и вытянул руку. Коротко взвизгнув, Люба замахала всеми конечностями, пытаясь совладать с потерявшим вес телом. Добилась она только того, что перевернулась лицом к полу и в такой неудачной позе полетела. Неудобно вывернув шею, пыталась разглядеть, куда ее несет, но нарушила равновесие и больно стукнулась о косяк. Руки автоматически прикрыли голову, защищая от новых ударов и частично закрывая обзор. На глаза навернулись слезы, еще больше ухудшая видимость. Единственное, что она успела разглядеть, — это синеватые разводы вен под бледной кожей тонкой руки, узловатые пальцы и массивное серебряное кольцо. Рельефные загогулины обрамляли черный бриллиант, как прихотливо переплетенные змеи или что-то в этом роде — в символикe, тем более местной, она разбиралась так же хорошо, как в языках программирования. То есть никак.

«Голое» платье, как про себя окрестила Люба откровенный бежевый наряд, оправдало свое название и покинуло беспомощное тело.

— Нет! — кое-как извернувшись, она попыталась оттолкнуться от маньяка. — Я против! Это не по договору!

— Молчать! — рявкнул маг, подцепил невидимой петлей строптивицу и направил ее в экспериментальную зону лаборатории. — Все как раз таки по договору, — нарочито ехидно ухмыльнулся он. — Ты забыла один существенный момент, — и вернул в перевернутое состояние.

Разложив Любовь животом на холодном мраморном столе, он сосредоточенно примеривался скальпелем к округлой ягодице. Несмотря на недавнее удовлетворение, обнаженное тело продолжало волновать, мешая концентрации.

— Хватит дрожать! — выместил на Любе злость за собственное состояние маг.

— Вообще-то здесь зверски холодно, — стуча зубами, выпалила красавица.

— Это оптимальная температура для операции, — стиснув челюсти, он отделил наконец требуемый клочок кожи и, наклеив пластырь с антисептической мазью, бесцеремонно перевернул ее на спину.

— Эй, осторожнее, — возмутилась подопытная, мигом забывая о холоде.

Не обращая внимания на вопли, маг резко раздвинул ей ноги, зафиксировал обездвиживающим заклятием и занялся восстановлением утраченной невинности.

«Да, как будет приятно возвращать в исходное состояние эту несносную девчонку! Сама виновата — точнее надо формулировать условия договора, — от соблазнительного предвкушения у мага ощутимо потяжелело в паху. — Кстати, можно ведь удовлетвориться и другими способами, не имеющими отношения к нижней чакре. — Он посмотрел на зверское выражение ее лица. — Хотя она ведь и откусить может! Ладно, дождемся окончания миссии, и уж тогда... И все — согласно договору, не отвертится!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Жила-была Любовь</i>	6
<i>Глава 2. Попадос</i>	13
<i>Глава 3. Апгрейд</i>	32
<i>Глава 4. Внедрение</i>	47
<i>Глава 5. Проверка</i>	65
<i>Глава 6. Вокруг да около</i>	93
<i>Глава 7. Операция «Ы» и другие приключения принцесс</i>	111
<i>Глава 8. Фактор икс</i>	125
<i>Глава 9. Арт-терапия</i>	139
<i>Глава 10. Бинго!</i>	151
<i>Глава 11. Выбор</i>	173
<i>Глава 12. Ах эта свадьба!</i>	194
<i>Глава 13. Нежданчик</i>	206
<i>Глава 14. Корабли в море лавировали, лавировали...</i>	221
<i>Глава 15. Ловля на живца</i>	239
<i>Глава 16. Медовый месяц</i>	257
<i>Глава 17. Здравствуй, Йорик!</i>	272
<i>Глава 18. Возвращение</i>	291
<i>Эпилог</i>	306